

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (09.00.11)

ИДЕОЛОГИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО НЕОЕВРАЗИЙСТВА

А.С. Соколова

Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

Для цитирования: Соколова А.С. Идеология постсоветского неоевразийства // Аспирантский вестник Поволжья. – 2018. – № 3–4. – С. 62–68. doi: 10.17816/2072-2354.2018.18.2.62-68

Поступила в редакцию: 07.05.2018

Принята к печати: 04.06.2018

▪ В статье анализируется идеология неоевразийства как Ответ постсоветской России на Вызовы современности, который реализуется в общественной практике. Показано его отличие от советского и либерального Ответа. Рассмотрено различие и общие черты философского и политического неоевразийства. Выделена его зависимость от истории России, глобализации и гегемонизма США.

▪ **Ключевые слова:** вызовы; ответы; глобализация; модернизация; неоевразийство; цивилизация.

IDEOLOGY OF THE POST-SOVIET NEO-EURASIANISM

A.S. Sokolova

Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

For citation: Sokolova AS. Ideology of the post-soviet neo-eurasianism. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2018;(3-4):62-68. doi: 10.17816/2072-2354.2018.18.2.62-68

Received: 07.05.2018

Accepted: 04.06.2018

▪ The aim of the article is to analyze the ideology of neo-eurasianism as a response of post-Soviet Russia to modern challenges in the social practice. The difference between neo-eurasianism and soviet and liberal responses is demonstrated. Common features and distinctions of philosophic and political neo-eurasianism are presented. The author observes dependence of neo-eurasianism on the Russian history, globalization and hegemony of the USA.

▪ **Keywords:** challenges; responses; globalization; modernization; neo-eurasianism; civilization.

История народов, согласно Тойнби, это последовательность Ответов на исторические Вызовы. Цивилизационный ответ включает в себя творческое меньшинство, его идеологию и практику модернизации, оценку нового общественного бытия и коррекцию модернизационной идеологии. Основные вызовы для российской цивилизации на нынешнем этапе развития человечества — глобализация, информатизация, массовая миграция, экологический кризис, укрепление ЕС, гегемонизм США, усиление КНР, конец однополярного мира. Постсоветская Россия завершила создание смешанного социалистическо-капиталистического строя и оказалась перед выбором пути развития: западный, азиатский, евразийский.

РФ должна ответить на вопросы: ориентироваться на Запад или у неё есть свой исторический путь; должна ли РФ ориентироваться преимущественно на Вызовы со-

временности или на состояние своего общества? В.Г. Федотова выделяет три основные идеологии, которые распространены среди россиян — западная (либеральная), славянофильская, евразийская. Она сводит их к двум — *европейской* (либеральной) и *почвенной* (славянофильской и евразийской), чтобы затем предложить третий, конвергентный путь модернизации России. Он основан на ценностях великодержавия, патернализма, идентичности [14]. Но это — черты постсоветской евразийской идеологии (неоевразийства).

Можно выделить три основные идеологии развития постсоветской России — либеральную (западную), советскую (социалистическую), неоевразийскую (смешанную). Российские либералы рассматривают историю страны как процесс догоняющей модернизации, создания общества высокого благосостояния, капиталистической экономики,

демократической системы, информационной гласности. С точки зрения нынешних российских коммунистов, Россия должна стать социалистической с элементами рыночного капитализма. Неоевразийская идеология рассматривает историю России как процесс конвергенции социализма и капитализма, марксизма и либерализма, коэволюции цивилизаций.

Эти направления общественного развития России выглядят в социологических опросах ВЦИОМа следующим образом. При ответе на вопрос «По какому историческому пути должна пойти Россия?» 15 % опрошенных выбрали «По общему для современного мира пути европейской цивилизации», 18 % — «Вернуться на путь, по которому двигался Советский Союз», 60 % — «По своему собственному особому пути». Две трети опрошенных полагают, что никто из иностранцев и их государств не желает России добра; 86 % опрошенных считают, что только русский человек обладает особой душевностью, не свойственной европейцу; 70 % считают, что только русский может пожертвовать собой ради великой цели; 79 % опрошенных полагают Россию великой страной, понять которую можно, лишь веря в её особое предназначение; 72 % опрошенных убеждены в том, что русский не может обойтись без властных лидеров [11, с. 187–189]. Такое общественное мнение поддерживает евразийский модернизационный выбор России.

Неоевразийской идеологии противостоит интегративная демократическая идеология [1]. Она названа *интегративной*, так как призвана объединить идеологии разных классов, этносов, культур России. Основными ценностями этой идеологии названы «*общее отечество, социальная справедливость, достоинство человека и страны*». Эта «национальная идея» «должна исходить из необходимости включения России в мировое содружество наций, где основными приоритетами становятся факторы экономического благосостояния, свободы и прав человека, высоких стандартов образования и культуры» [1, с. 21–22]. Эта идеология пока не пользуется признанием у постсоветских россиян.

Постсоветская Россия стоит перед выбором — модернизация или стабилизация, развитие или идентичность? Ответ российских демократов: Россия должна осуществить догоняющую модернизацию, учитывая свою специфику; она должна стать частью Запада и отказаться от великодержавности; модернизация должна осовременить россиян, преодолеть их отсталость от Запада. Евразийский вы-

бор России основан на идее различия истории народа, социоформаций, цивилизаций Запада и Востока. Он адекватен советско-ориентированным людям. Россияне хотят осуществить модернизацию, не ведущую к утрате самобытности. Евразийский ответ России включает отстаивание своих интересов перед Западом, который Запад считает новой холодной войной с ним [4].

Можно выделить советский и постсоветский (неоевразийский) этапы евразийства. Евразийство возникло в начале XX в. в российской эмиграции, как реакция на трудности капитализма и разрушительность социализма в России. Его идеологи — Флоровский, Карсавин, Вернадский, Н.С. Трубецкой и другие. Оно было направлено против социализма, марксизма и капитализма, либерализма, как крайностей социально-классового развития, на противопоставление России-Евразии Западу. В евразийстве подчёркивалось значение культурного суперсинтеза «русского» и «туранского» начала в истории России, опасность догоняющей модернизации (вестернизации). В противоположность догоняющей индустриализации в её социалистической и капиталистической форме предлагалась евразийская форма, основанная на развитии принципов самодержавия, православия, народности.

Евразийство в постсоветской России представлено работами Л.Н. Гумилёва, А.И. Солженицына, А.Г. Дугина, А.С. Панарина, Н. Назарбаева, В.В. Путина и других. Россия в период президентства В. Путина осуществляет Ответ на новые исторические Вызовы, который может быть назван постсоветским евразийством. Он включает в себя социалистическую неоевразийскую идеологию, политику, общественный строй. Чертами этого ответа стали социалистическая социоформация, Евроазиатский союз (ЕАС), ориентация на Восток (БРИКС, ШОС, КНР), цивилизационное и политическое противостояние Западу. «Из трёх основополагающих идеологических семейств — коммунизма, фашизма и демократии — мы не можем выбрать ни одного, — заявляют неоевразийцы в своём манифесте и журнале. — Или, иначе, нас интересуют отдельные стороны каждой из этих позиций, другие же их стороны мы полностью отвергаем» [8].

В неоевразийстве можно выделить философское, идеологическое и политическое, прагматическое направление. *Философские неоевразийцы* (А.Г. Дугин, А.С. Панарин и другие) радикальны, исходят из того, что источником развития общества является пассив-

нарность людей, сильное государство, а не экономика, классовая борьба; они против догоняющей модернизации. Причинами пассионарности, авторитарного государства является мир ценностей, жизненный мир, мир истории. *Политические неоевразийцы* (В.В. Путин, Н. Назарбаев и другие) умеренны, трансформируют социофилософские идеи неоевразийцев в политическую идеологию, действия, общественный строй. Они полагают, что чертами развития является пассионарность народа, авторитарное государство, благосостояние народа, рыночная экономика, информационная сфера; они за умеренную догоняющую модернизацию. Практическое неоевразийство не совпадает с процессом формирования неоевразийской идеологии.

Важнейшей проблемой *социофилософских неоевразийцев* становится объединение не-Запада против Запада. А.С. Панарин считает, что эту миссию должна осуществить Россия. Тем не менее он полагает, что китайская, российская и индо-буддистская цивилизации вместе, возможно, образуют систему не-Запада, от которого будет исходить новая формационная инициатива, отвергаемая Западом. «Проблема состоит в том, чтобы выстроить идентичность не-Запада не в... ключе „плюрализма цивилизаций“, а в значении великой исторической альтернативы, имеющей вселенское значение... Вот этот синтез культурной насыщенности и альтернативности (по отношению к... экономоцентристским практикам Запада) с исторической формационной альтернативностью и призвана дать преобразённая идея „второго мира“» [7, с. 200–201]. Неоевразийцы предлагают интегрировать цивилизации Востока и осуществлять противостояние Западу.

Неоевразийцы считают, что догоняющая модернизация оказывает на незападные страны преимущественно неблагоприятное влияние, не замечая её позитивного влияния. «Настоящая драма современного вестернизированного мира состоит в том, — пишет А.С. Панарин, — что вестернизация разрушает идентичность. Она... слишком часто сопутствует социальной аномия-ценностная дезориентация и потеря идентичности» [7, с. 20–21]. Это суждение неоевразийцев не разграничивает социоформационную и цивилизационную модернизацию, сферу интересов и сферу ценностей, не учитывает опыт индустриальной модернизации Японии, Кореи, КНР и других стран. На деле модернизация становится более современной и всесторонней. Изменение цивилизационной идентичности происходит во время развития всегда.

Так, у многих современных японцев, корейцев, китайцев традиционная конфуцианская, буддистская и т. п. цивилизация дополняется либеральной, информационной, экологической.

Рассуждения философских евразийцев о жизненном мире, проблемах общественно-го бытия связывают их с космосом. «Пожалуй, и сегодня, — пишет А.С. Панарин, — жизненному миру для отстаивания своих прав предстоит продемонстрировать... свою космическую причастность и „несоциологический“ статус... Речь идёт о постепенном складывании новой натурфилософской поэмы жизни, где гарантии личности и гарантии жизни на земле выступают как единый защитный комплекс великой защитной стратегии... Социоцентризм оказался разрушительным для жизненного мира, ибо в социологической картине нет ни инвариантности, ни самоценных начал...» [7, с. 37–38]. Глобализация, информатизация, экологический кризис вынуждают философских неоевразийцев быть консервативными.

Неприятие социологической картины мира философскими неоевразийцами обусловлено тем, что она оперирует критериями отсталый – современный, застойный – динамичный и т. п., по которым у России проблемы. «Но мышление, наказавшее мыслить глобальными категориями — геополитическими, экологическими, цивилизационными, — постепенно „реабilitирует“ Россию, возвращает смысл её существованию» [7, с. 39]. Меняем конкретную, социологическую парадигму на абстрактную, социофилософскую — и всё в порядке. Если индустриальность нетерпима к жизненному миру, то информационность его реабилитирует. Поэтому неоевразийцы против постиндустриализма, но за антропологический прогресс: «жизненный мир... альтернативен прогрессу, развёртывающемуся в отчуждённых техноцентристских формах, но он совместим с прогрессом, если представить последний в формах нового антропоцентризма...» [7, с. 42]. Это способствует сохранению идентичности.

Мир истории философских неоевразийцев основан на отказе от *линейно-прогрессивной*, информационной теории общественного развития в пользу признания *циклической, понимающей* теории [7, с. 47]. Перед нами попытка обоснования нынешнего великодержавного возрождения России. Ради чего выдвигается циклическая теория общественного развития? Она выдвигается ради сохранения *идентичности народов*, который оказывается смыслом истории. Основу этого смысла образует не по-

ступательность, а преемственность развития. «Одна из самых больших трудностей исторического познания... каким образом народы сохраняют свою идентичность в историческом процессе... Теория прогресса ищет *успешной истории*, дающей благополучные... результаты. Теория понимания ищет *преемственности истории*... Смысл истории не задан фатально; мы его постоянно обретаем в нас самих, в *идентичности народа*...» — утверждает А.С. Панарин [7, с. 48–49]. Таким образом, евразийцы, прежде всего, за сохранение цивилизационной идентичности народа.

А.Г. Дугин против активного участия РФ в глобализации, защищая автаркию страны. Он считает Россию уникальной, имеющей другую, чем Запад, природу, евразийской страной. Он пишет: «Философия глобализации (философия однополярности) проистекает из либерально-буржуазного мировоззрения, основанного на специфической антропологии (на представлении о примате индивидуального начала над коллективным), на специфической экономической доктрине (на свободе торговли и приоритете частного предпринимательства над иными формами хозяйствования, на дефундаментализации капитала, на представлении об оптимальности либеральной политической модели (либерал-демократия)... эфемерности и дезонтологизации истории (как прошлой, так и будущей), на космополитизме и новом кочевничестве, на виртуализации пространства и т. п.» [3, с. 64–65].

Философские неоевразийцы против догоняющей модернизации России. Эта западная цивилизационная парадигма является обоснованием многомерного процесса глобализации, который поддерживается мощью США, что вызывает её неприятие. «Единственным адекватным ответом на эту угрозу глобализации будет организация планетарного и глобально-сопротивления, основанного на стратегическом альянсе дифференцированных полюсов. Симметрично философии глобализма должна быть разработана философия контрглобализма. Не просто „неглобализма“ — и глобально, и действительного опровержения, и отвержения партикулярного глобализма» [3, с. 64–65]. Это должна быть социофилософия неоевразийства.

Исходя из такого социально-философского подхода, постсоветскими евразийцами предлагается модернизация без вестернизации. «„Модернизация без вестернизации“», — пишет А.Г. Дугин. — Это должно стать главным лозунгом „новой левой оппозиции“, которая может сплотить в себе лучшие силы как „консервативного“, так и „реформаторского“ лагеря»

[3, с. 76]. Такая модернизация предполагает: понимание глобализации как процесса выгодного только западным странам и ведущего к разрушению незападных стран; понимание глобализации как процесса от которого можно изолироваться без ущерба для себя; определённую изоляцию России-Евразии от Запада, международного разделения труда, автаркию больших пространств, опору на собственные силы; модернизацию без утраты суверенитета; усиление социалистического и ослабление капиталистического содержания общества; «Консервативная революция — последний императив» [3, с. 77–78].

А.Г. Дугин формулирует следующие социально-философские принципы неоевразийского общества: «экономическое устройство общества должно вытекать из его исторической, культурной, этнической, географической и государственной специфики»; между принципом экономической свободы субъектов и рычагами социального регулирования должен быть найден баланс; между принципом «борьбы» (марксизм) и принципом «равновесия» (либерализм) должно быть найдено промежуточное решение — баланс; экономика должна быть функцией внеденежного обмена, взаимопомощи, кооперации, общинности и т. п.; акцент не на микроэкономике (либерализм) и не на макроэкономике (госсоциализм), а на мезоэкономике, то есть частном секторе, не подлежащем прямому госрегулированию; императив «автаркичности» больших пространств, стремление к их объединению с единой таможенной системой и валютой [3, с. 94–95].

Неоевразийцы исходят из опасности экологической катастрофы, к которой человечество приближает индустриальный капитализм. Чтобы избежать этого, человечество должно отказаться от западного, технологического и встать на восточный, аграрный путь развития, который отражён в Западном и Восточном христианстве. Философские неоевразийцы исходят из постэкономического этапа глобализации. А.С. Панарин пишет: «...если переход от индустриального общества к постиндустриальному... развернётся в условиях растущего влияния Востока, то постиндустриальное общество получит шанс стать качественно иной постэкономической цивилизацией. Это будет уже изменение не только технологий, но и самих принципов жизнестроения, системы ценностей и установок, разрыв с моралью потребительского общества» [6, с. 389–390]. У А.С. Панарина в основе прогноза грядущего состояния мира и места России в нём лежит гипотеза

инверсионного взрыва, который направлен на защиту нации от глобализации и модернизации [6, с. 388–389]. Но у многих наций налицо логика успешной догоняющей модернизации.

Неоевразийство углубляет оценка постсоветского общества как соцкапиталистического, конвергентного, интегративного, предложенная С.В. Соколовым. Согласно его метасистемной парадигме, общество состоит из трёх метасистем: народа, социоформации и цивилизации. И общественный строй (общество), и общественные метасистемы состоят из исходной, базисной и вспомогательной частей. Общественный строй включает в себя народ, социоформацию, цивилизацию [12]. Российский народ — субъект исторического процесса и объект социоформационного и цивилизационного влияния. Евразийская социоформация — это способ общественного производства. Евразийская цивилизация — это способ духовного единения (идентичности) людей. Всё это позволяет разграничить евразийскую социоформационную и цивилизационную модернизацию, показать важную роль российского народа в её осуществлении.

Политическое неоевразийство в лице лидеров ЕАЭС и политических партий является более прагматичным, берёт из философского неоевразийства только то, что можно реализовать в общественном бытии в современных условиях, способствует модернизации стран. Основой евразийского проекта практического неоевразийства становится евразийская история, соцкапиталистическое общество, конвергенция Запада и Востока, капитализма и социализма, в нём обращается внимание прежде всего на состояние своей цивилизации, её возможности, а не только на органическую модернизацию Запада.

Высокое благосостояние западных народов, основанное на капиталистической экономике и буржуазной демократии, вынуждает западные народы осуществлять социоформационную модернизацию, не затрагивающую существенно их традиционные цивилизации. Сохранение цивилизационной идентичности остаётся важной задачей западных стран в процессе догоняющей модернизации. Социоформация отвечает на вопрос: «Как ты живешь?», а цивилизация отвечает на вопрос: «Ради чего ты живёшь, кто ты?» Н. Назарбаев пишет: «...принадлежность к цивилизации дана нам тысячелетней прошлой историей, и здесь выбора нет. Либо ты относишься к той или иной цивилизации, либо ты теряешь свой культурный облик» [5, с. 275]. Это позволяет

догоняющей модернизация быть устойчивой, а не революционной.

Н. Назарбаев, один из архитекторов ЕАЭС, пишет, что, во-первых, западный путь развития возник давно, в специфических условиях, которых нет в незападных странах. Во-вторых, «нельзя выдавать уникальный образец с его живой и неповторимой историей за „концентрат“ общечеловеческого опыта. Это оскорбительно не только для других культур, но и для самих европейцев... Так что в практическом плане до конца истории в смысле всемирной победы либерализма очень далеко...». В-третьих, «...политики, вовлечённые в реальный политический процесс, не согласятся с тезисом о жёстком делении цивилизаций между собой, с одной стороны, и единстве внутри цивилизаций, с другой стороны...» [5, с. 280–281].

Такие же идеи развивает В. Путин. «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной, — пишет он. — Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии» [9, с. 3]. Чертами евразийского строя, отмеченными В. Путиным в программной статье, являются: громадное евразийское пространство; многоэтнический российский народ, ядром которого являются русские; умеренное благосостояние народа; рыночная экономика, регулируемая государством; сильное государство; сотрудничество классов; контролируемая властью информационная сфера; сотрудничество либеральной, советской и православной цивилизации, ведущая роль православия. В своей программе развития России В.В. Путин пытается совместить великодержавность, экономическую модернизацию, благосостояние народа [10].

Консервативный, державный, неоевразийский Ответ РФ на Вызовы современности ориентирован на возрождение евразийской державы, сохранение власти буржуазной номенклатуры, умеренное благосостояние народа, развитие сырьевой и индустриальной экономики, опору на собственные силы, сближение с Китаем. Её потенциал достаточен для осуществления евразийского пути и умеренной модернизации общественного строя. Базисными в РФ остаются преимущественно административные, а не рыночные отношения. В народе сильны великодержавные ценности, неприязнь к Западу и симпатии к социализму. На выборах в Госдуму и Президента РФ в 2012 г. «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, СР по сути выступили за неоевразийский путь развития России.

Евразийский Ответ РФ обусловлен исторически. Западные (либеральность, буржу-

азность, демократичность, толерантность и т. п.) черты в России оказались во многом ослаблены советской системой. Быстрое создание западной демосоциальной социоформации (общество массового благосостояния) — сложная задача. В людях, социальных институтах, политических движениях России оказались сильны русско-советские черты: великодержавность, патернализм, коллективизм, советскость, православность, антизападность и т. п. С 1998 г. положительное отношение россиян к социалистическим ценностям улучшилось [13]. В программах всех политических партий, представленных в Государственной Думе РФ в том или ином виде, звучат неоевразийские идеи.

Субъектом неоевразийской идеологии выступает, прежде всего, «Единая Россия», которую поддерживают и другие политические партии Госдумы. Основными принципами этой идеологии можно считать следующие: судьбу России во многом определяет евразийское пространство; евразийское общество (народ, социоформация, цивилизация) является конвергентным, смешанным, интегративным; главным условием сохранения и развития России является сильное государство; развитие России в XXI в. определяется конвергенцией Запада, либерализма, капитализма, постиндустриализма и Востока, коллективизма, социализма, индустриализма; многоэтнический российский народ объединён общей историей, русским языком, культурой, пассионарностью, великодержавием; Евразийская Россия характеризуется авторитарно-демократической государственностью, рыночной экономикой, умеренным благосостоянием, коэволюцией религиозных и светских цивилизаций при ведущей роли православной цивилизации; ЕАЭС — это форма цивилизационного, таможенного, экономического объединения стран СНГ; научное, техническое, экономическое, культурное сотрудничество с Западом наряду с цивилизационным и политическим противостоением ему.

Завершается период гегемонизма США. Запад начинает понимать, что россияне выбирают незападный путь, усиливая в неоевразийстве социалистическое содержание. Такой выбор России обостряет её отношения с Западом. Д. Белл, говоря о будущих «линиях напряжённости» в мире, полагал, что одна из них протянется между Россией и Европой. Это будет связано со стремлением России вернуть себе великодержавный статус, пугая европейцев обращением к Азии [2]. В этой связи дальнейшее развитие евразийской России возможно в направлении социализма, капитализ-

ма, общества массового благосостояния, что уже начинает осуществляться в политической практике.

Список литературы

1. Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии: тезисы // Полис. Политические исследования. — 1997. — № 3. — С. 16 [Alekseeva TA, Kapustin BG, Pantin IK. The perspectives of integration ideology: thesis. In: Polis. Politicheskie issledovaniya. 1997;(3):16. (In Russ.)]
2. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщённости: Размышления о мире XXI века. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. — С. 304. [Bell D, Inozemtsev V. The epoch of division: thoughts about the world of 21st century. Moscow: Tsentr issledovani postindustrialnogo; 2007. P. 304. (In Russ.)]
3. Евразийство: теория и практика. — М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2001. — 102 с. [Eurasianism: theory and practice: thesis. Moscow: ARKTOGEYA-center; 2001. 102 p. (In Russ.)]
4. Лукас Э. Новая Холодная война. Как Кремль угрожает России и Западу. — СПб: Питер, 2009. — 320 с. [Lukas E. The new Cold War. Putin's Russia and the Threat to the West. Saint Petersburg: Piter; 2009. 320 p. (In Russ.)]
5. Назарбаев Н. На пороге XXI века. — Алматы: ОНЕР, 1996. — 285 с. [Nazarbaev N. On the edge of the 21st century. Almaty: ONER; 1996. 285 p. (In Russ.)]
6. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. — М.: Логос, 1998. — 392 с. [Panarin AS. The revenge of history: the Russian strategic initiative in the 21st century. Moscow: Logos; 1998. 392 p. (In Russ.)]
7. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 288 с. [Panarin AS. Russia in the cycles of the world history. Moscow: Izd-vo MGU; 1999. 288 p. (In Russ.)]
8. Пробуждение стихий // Элементы [Электронный ресурс]. — 1992. — № 1. — С. 3. — URL: <http://arcto.ru/article/395> (дата обращения: 29.03.2018) [The awakening of elements. In: Elementy [Electronic resource]. 1992;(1):3. URL: <http://arcto.ru/article/395> (date of access: 29.03.2018) (In Russ.)]
9. Путин В.В. «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной...» // Евразийство: теория и практика. — М., 2001. — С. 3. [Putin VV. "Russia always perceived itself as an Euro-Asian country..." In: Evroziistvo: teoriya i praktika. Moscow; 2001. P. 3 (In Russ.)]
10. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. — 30.12.1999. — С. 4. [Putin VV. Russia on the edge of millennia. Nezavisimaya gazeta. 30.12.1999. P. 4. (In Russ.)]
11. Россия: 21 век... Куда же ты? / Под ред. Ю.Н. Афанасьева, А.П. Логунова. — М.: РГГУ, 2002. — 416 с. [Russia: 21st century... Where are you? Ed by

- Yu.N. Afanasiev, A.P. Lodunov. Moscow: RGGU; 2002. 416 p. (In Russ.)
12. Соколов С.В. Социология истории. – М.: Проспект, 2017. – 417 с. [Sokolov SV. Sociology of history. Moscow: Prospekt; 2017. 352 p. (In Russ.)]
13. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 7–11. [Tikhonova NE. Socio-cultural modernization in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2008;(3):7-11. (In Russ.)]
14. Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с. [Fedotova VG. Good Society. Moscow: Progress-Traditsiya; 2005. 544 p. (In Russ.)]

▪ Информация об авторе

Анна Сергеевна Соколова — очный аспирант кафедры философии и политологии, Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail: sokolova.anny.s@yandex.ru

▪ Information about the author

Anna S. Sokolova — Postgraduate Student at the Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: sokolova.anny.s@yandex.ru